

18+

Илья Петров

НИТИ

Илья Петров

Нити

«Издательские решения»

Петров И.

Нити / И. Петров — «Издательские решения»,

Земля истекает болью — в её сердце спит Хранительница нитей, и только трое могут её разбудить. Охотник Корвин, чувствующая Лиана и пробудившаяся после века сна Ведана идут на север, где им предстоит пожертвовать самым ценным: своими дарами. Но настоящая жертва — не отдать силу, а научиться отпускать память, которая держит крепче любой магии. История о том, что дом можно найти, даже когда потерял всё.

© Петров И.

© Издательские решения

Содержание

Пролог. Сон земли	6
Часть первая. Чужая боль	7
Глава 1. Гнилой Угол	7
Глава 2. Деревня, забывшая сон	9
Глава 3. Пустышка	12
Конец ознакомительного фрагмента.	16

Нити

Илья Петров

© Илья Петров, 2026

ISBN 978-5-0070-5851-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Пролог. Сон земли

В начале не было нитей. Была только земля — огромная, тёплая, дышащая.

И по ней ходили те, кто не умел забывать.

Мамонты. Последние из тех, кто помнил вкус первозданной травы, когда мир был ещё юным. Они умирали, но их кости оставались в земле, и земля через них видела сны. Сны о ледниках, о реках, которые текли в другую сторону, о звёздах, которые тогда назывались иначе.

Однажды самый старый мамонт — тот, у кого бивни касались земли — почувствовал: земля устала. Слишком много боли впитали её корни. Люди уже появились, они уже научились бояться и убивать. Их страх был острым, как кремень, и он ранил землю глубже, чем любой плуг.

Старый мамонт лёг в круг, который сам выбрал. Лёг и закрыл глаза. Его тело не разлагалось — оно стало сосудом. А через тысячу лет пришли другие. С зелёными глазами. Те, кто умел чувствовать нити, которых раньше не было. Они нашли мамонта, поклонились и сказали: «Мы будем хранить. Мы не дадим тебе умереть до конца».

Они забрали частицу его силы и разошлись по миру. Нити протянулись от них к земле, от земли — к забытым богам, от богов — обратно к людям.

Но потом пришли те, кто не хотел хранить. Они захотели взять. Отрезать кусок сердца земли и сделать его своим. Разгорелась война, негромкая, длиной в века. Когда она кончилась, тех, кто сражался, уже не было. Осталась только рана — холодный огонь, который спалил реки и остановил птиц.

А в центре раны, в кристалле, выросшем из слёз, уснула та, кто дала нити. Её звали по-разному. Хранительница. Мать корней. Первая из зелёных глаз.

Она спала, а земля болела. Кричала без звука.

И в одном из тысяч углов этой земли, через сотни лет, охотник по имени Корвин сидел у колодца в Гнилом Углу и слушал, как ветер гоняет соломенную труху. Он ещё не знал, что земля выбрала его. Что его горе станет ключом. Что он встретит женщину с пепельными волосами, зеленеющими на кончиках, и зелёными глазами, и та научит его не стрелять, а слушать.

Это было задолго до нитей. И это только начало.

Часть первая. Чужая боль

Глава 1. Гнилой Угол

Деревня называлась Гнилой Угол. И название своё оправдывала.

Корвин из Теней остановил лошадь у покосившегося колодца, прыгнул и окинул взглядом пустые улицы. Ни курицы, ни собаки. Ставни заколочены. Только ветер гонял соломенную труху.

— Ну и местечко, — буркнул он, поправляя палаш на поясе.

Лиана Терновая — худая, с пепельными волосами, отливающими зеленью на концах, и ярко-зелёными глазами — спешила следом, прищурилась и коснулась ладонью земли, прислушиваясь.

— В воздухе что-то есть, — сказала она негромко. — Не магия. Другое. Как запах старой раны.

— Проклятие?

— Не похоже. Проклятия пахнут серой и злобой. А здесь... тоска. Сырая, затяжная.

Из крайней избы, скрипнув дверью, вышел староста — сухой старик с дрожащими руками, по имени Прохор. На его поясе висел детский башмачок — память о внуке, который пропал три года назад и не нашёлся. Он глянул на Корвина, на Лиану, перекрестился и машинально коснулся башмачка.

— Охотники? — спросил сипло. — Вы те, что за нечистью?

— Мы те, что за плату, — ответил Корвин. — Рассказывай.

Староста заговорил сбивчиво. Две недели назад в деревне начали пропадать дети. Не все — только те, кто родился в один год. Сначала их находили спящими в лесу, невредимыми, но с пустыми глазами. А вчера один мальчик не вернулся вовсе. Искать ходили — нашли его рубаху, а под рубахой — пятно травы, примятой в форме человеческого тела. Но самого тела не было.

— Не упырь, — сказал Корвин. — Упыри оставляют следы крови.

— Не ведьма, — добавила Лиана. — Ведьмам нужна выгода. А здесь нет ни жертв, ни требований.

— Что ты тогда чувствуешь? — повернулся к ней охотник.

Лиана закрыла глаза. Медленно провела пальцами по траве — не заклинание, просто движение, помогающее сосредоточиться. Корвин замер, не мешая. Он знал: её «нить» нельзя торопить.

— Там, — она указала на лес за деревней. — В сторону старого дуба. Что-то зовёт. Не ушами — глубже.

— Идём, — Корвин достал лук.

Они двинулись по тропинке. Лес встретил их тишиной — не пели птицы, не трещали сучья. Только мягкая, ватная пустота.

Возле дуба сидел на траве мальчик. Лет семи, светловолосый, босой. Живой. Он смотрел перед собой и играл речным камешком, тихонько улыбаясь.

— Не подходи, — тихо сказала Лиана, схватив Корвина за рукав. — Это не он.

— Кто?

— То, что приняло его облик. Видишь, как трава под ним не гнётся?

Корвин прищурился. Действительно — мальчик сидел на воздухе, на полпальца выше земли.

— Говори с ним, — велел он Лиане. — Ты чувствуешь нити.

Охотница сделала шаг вперёд. Присела на корточки в нескольких метрах от призрачной фигуры.

— Ты потерялось? — спросила она просто, без страха и без заклинаний.

Мальчик повернул голову. Глаза у него были белые, без зрачков.

— Я не потерялось. Я жду, — голос шёл не из горла, а откуда-то со стороны.

— Чего ждёшь?

— Чтобы меня поняли. Все думают, что я злое. А я — просто память.

Корвин хотел было выстрелить, но Лиана подняла ладонь: «Нет».

— Чья память? — спросила она мягко.

— Девочки. Её звали Клава. Она умерла здесь сто лет назад. Заблудилась. Никто не искал. А я — то, что осталось от её страха. Я не хочу детей есть. Я хочу, чтобы кто-то сказал: «Тебя не забыли».

Лиана медленно выдохнула. Посмотрела на Корвина — тот стоял, не опуская лука, но и не стреляя.

— Ты не умеешь говорить прямо, — сказала охотница призраку. — Ты пугаешь, водишь кругами, забираешь детей в лес. Потому что по-другому не умеешь. Это не злость — это беспомощность.

Призрак моргнул. Впервые его лицо дрогнуло.

— Я не знаю, как иначе, — прошептал он.

— А ты не ищи способ. Просто... отпусти. Ты не обязан помнить её страх. Ты можешь просто исчезнуть. Не понять, как — а решить, что больше не надо.

Корвин опустил лук. Он не понимал, что говорит Лиана. Но он видел: призрак начал таять. Сначала исчезли ноги, потом тело, потом осталась одна голова с белыми глазами.

— Спасибо, — сказала голова. — Я не знало, что можно не понимать. А просто — перестать бояться.

Он растаял. На траве остался спящий мальчик — настоящий, живой, с веснушками и сбитыми коленками. Корвин подошёл, взял ребёнка на руки.

— Ты просто поговорила с ним, — сказал он без вопросительной интонации.

— Я не «поговорила». Я почувствовала его боль и перестала с ней спорить. Понимание здесь было бы лишним — я бы начала анализировать, верить или не верить, а это заняло бы часы. А осознание... просто пришло.

— И что, всегда так работает?

Лиана усмехнулась, поправила выбившуюся прядь пепельных волос с зелёными концами.

— Нет. Иногда приходится жечь и резать. Но сначала стоит попробовать не решать задачу, а её... прожить.

Прежде чем уйти, Лиана подобрала камешек, который играл призрак, и положила его в дорожную сумку.

Они вернулись в деревню. Староста заплатил — серебром, не очень щедро. Корвин молча ссыпал монеты в кошель.

Уже на выезде Лиана обернулась на Гнилой Угол.

— Знаешь, — сказала она, — эту деревню называли в честь того, что здесь гниёт людская память. А не в честь болота.

Корвин кивнул. Ничего не ответил. Но у самого края губ мелькнуло что-то похожее на уважение. Они поехали дальше. К следующей деревне. К следующей боли.

Глава 2. Деревня, забывшая сон

Деревня называлась Тихий Брод. Но тишина там была не мирной, а выжженной — как после пожара, когда ещё тлеют угли, но кричать уже некому.

Корвин остановил лошадь у околицы и принялся. Пахло прелыми досками, мочой и чем-то сладковато-гнилостным — запахом тел, которые слишком долго не спят.

— Две недели, — сказала Лиана, спешиваясь. — Староста писал, что никто не сомкнул глаз. Сначала были галлюцинации. Потом начали биться головой о стены. Двое умерли.

— Сердце не выдержало, — кивнул Корвин. — Или мозги.

Он оглядел улицу. Ни курицы, ни кошки. Ставни наглухо закрыты. Но на дверях — странные царапины: глубокие, вертикальные, будто кто-то скрёбся внутри.

— Лиана, — позвал он негромко. — Посмотри на царапины.

Та подошла, провела пальцами над деревом. Нахмурилась.

— Нити... запутаны. Это не магия проклятия. Это следы отчаяния. Люди сами царапали двери, когда хотели выйти наружу, но боялись.

— Чего боялись?

— Себя.

Из крайней избы вышел староста — седой, с красными распухшими веками и трясущимися руками, по имени Еремей. Он держался за косяк, как за спасательный круг. Он говорил сбивчиво, то и дело касаясь старого шрама на шее — память о войне, в которой он потерял единственного сына. «Мой мальчик не дожил до тридцати, — прошептал он, словно оправдываясь. — А теперь я смотрю, как моя дочь сходит с ума, и не могу ничего сделать».

— Охотники? — голос сиплый, сломанный. — Слава богам. Мы уже думали, никто не придёт. Моя дочь... она третью ночь говорит, что её муж — не муж, а кукла. И смеётся. Не переставая смеётся.

— Где травник? — спросил Корвин, не здороваясь.

Староста вздрогнул.

— Откуда вы знаете про травника?

— Такие проклятия сами не приходят. Кто обижен — тот и наслал. Где он?

— Изгнали его три года назад, — прошептал староста. — Он лечил скот, но задрал цену. Мы сказали, что сами управимся. А он в ответ: «Вы ещё вспомните меня». И ушёл в лес. А теперь... теперь его хижина стоит на холме. Дым идёт, но сам он не выходит.

Лиана переглянулась с Корвином.

— Идём, — сказал охотник. — Ты поговоришь. Я буду сзади.

— И не выстрелишь без команды? — усмехнулась Лиана.

— Посмотрим.

Тропа к хижине петляла между чахлыми берёзами. Чем выше они поднимались, тем гуще становился туман, и тем тяжелее — воздух. Корвин чувствовал, как пот стекает по спине, а лук вдруг стал весить вдвое больше.

— Он не хочет гостей, — сказала Лиана, остановившись. — Воздух сопротивляется.

— Ты можешь снять это? — Корвин поднял лук.

— Не снять, а попросить пропустить. Но он не слушает меня. Он слишком зол.

— Тогда идём напролом.

Он сделал шаг, и туман расступился — неохотно, но будто испугавшись его тяжёлой поступи. Лиана улыбнулась краем губ: «Железная воля тоже нить, просто грубая».

Хижина стояла на голом холме. Покосившаяся дверь, закопчённое окно. Из трубы шёл серый дым, пахнувший не дровами — горелыми травами и чем-то кислым.

Дверь открылась без стука. На пороге стоял старик с запавшими глазами и белыми, как мел, зрачками.

— Вы пришли, — сказал он без удивления. — Я знал. Вы пришли убить меня.

— Нет, — ответила Лиана, делая шаг вперёд. — Мы пришли поговорить.

— Поговорить? — старик рассмеялся сухим, трескучим смехом. — Три года я ждал, когда они придут поговорить. Они не пришли. А теперь, когда я дал им почувствовать то же, что чувствовал я — беспомощность, бессонницу, страх, — теперь вы здесь с разговорами.

Он перевёл взгляд на Корвина.

— А ты с луком. Убьёшь меня — и сон вернётся? Нет. Я завязал проклятие на свою жизнь. Если я умру — оно станет вечным.

— Зачем ты это сделал? — спросила Лиана мягко. — Они тебя изгнали, да. Но зачем мучить детей?

Старик замер.

— Детей? — голос его дрогнул. — Я не хотел мучить детей. Я хотел, чтобы поняли. Чтобы пришли и сказали: «Прости, мы были неправы». А они привели вас.

— Мы не убивать, — сказал Корвин, впервые подав голос. — Мы выслушать.

Лиана удивлённо посмотрела на него. Корвин никогда не был дипломатом. Старик всмотрелся в его лицо. Вдруг спросил:

— Ты потерял кого-то?

Корвин молчал долго. Потом ответил:

— Жену. Война.

— И ты простил тех, кто убил?

— Нет.

— Тогда как ты можешь говорить «выслушать»?

— Потому что я держу лук, — сказал Корвин. — И я не простил. Но я не мучаю деревни.

Старик хотел что-то ответить, но вдруг схватился за сердце. Лиана бросилась к нему, удержала от падения.

— Он умирает, — сказала она, щупая пульс. — Слишком много сил потратил на проклятие.

— Сними его! — крикнул Корвин.

— Не могу. — Глаза Лианы были влажными, но слёз не было. — Он сам должен.

Старик прошептал, глядя в небо:

— Я... не хотел... зла. Я хотел, чтобы поняли. А вы... вы пришли. Спасибо.

Он закрыл глаза. Рука упала. Проклятие не исчезло.

Когда они вернулись в деревню, жители уже не спали пятнадцатые сутки. Дочь старосты — молодая женщина с безумным взглядом — сидела на пороге и хохотала над пустотой. Муж стоял рядом с колом в руках и смотрел на неё с ненавистью.

— Проклятие не снято, — сказал Корвин.

Староста упал на колени.

— Тогда убейте нас. Всё равно мы скоро умрём.

— Нет, — отрезал Корвин. — Лиана, ищи записи травника. В его хижине должны быть дневники. В любом проклятии есть лазейка.

Лиана ушла. Она вернулась в хижину травника, обыскала каждый угол и нашла дневник под половицей — спрятанный, будто он боялся, что его найдут при жизни.

А Корвин остался с деревней. Он делал то, что не умела Лиана: он умирал. Не разговорами — присутствием. Когда один мужик попытался зарубить топором свою жену, Корвин перехватил руку и прошипел: «Спишь или нет — отвечать за себя будешь». Тот опустил топор и заплакал.

Корвин стоял на площади всю ночь. Лук наизготовку. Глаза слипались, но он не спал — проклятие давило и на него, хоть и слабее, чем на местных. Он боролся с ним не магией, а просто волей, как с врагом, которого нельзя победить, но можно перетерпеть.

Под утро вернулась Лиана.

— Нашла, — сказала она, протягивая истлевшую тетрадь. — Лазейка есть. Травник записал: «Проклятие снимает тот, кто отдаст дар без гордыни. Самый ценный дар. И тогда сон вернётся».

— Какой дар?

— Не сказано. Это должно быть то, что ты ни за что не отдашь, но отдаёшь добровольно.

Корвин молчал.

— У тебя есть что-то? — спросила Лиана.

— Есть.

Он снял с шеи маленький кожаный мешочек на завязках. Не разжимая, положил на алтарь, сложенный из камней на окраине деревни у леса. Потом выпрямился и сказал:

— Теперь спите.

И жители Тихого Брода легли — прямо на землю, на крыльцо, на нескошенную траву. И заснули.

Лиана подошла к алтарю. Развязала мешочек. Внутри оказался локон русых волос, перевязанный синей нитью.

— Это её? — спросила она тихо.

— Моя жена. Единственное, что осталось. — Голос Корвина был сухим, но в уголках глаз блестела влага. Не слёзы — так, усталость. — Теперь её нет. И меня нет. Только оружие.

Лиана хотела сказать что-то тёплое, но Корвин уже отвернулся.

— Собирайся. Нам пора.

— Куда?

— Туда, где не надо жертвовать прошлым ради чужого сна.

Она догнала его, пошла рядом.

— Спасибо, Корвин.

— За что?

— Ты отдал самое дорогое. Не для того, чтобы нас поняли. А просто потому, что надо было.

Он ничего не ответил. Но тропинка в лесу вдруг стала светлее.

Позже, сидя у костра на привале, Корвин сказал:

— Ты чувствуешь нити, а я чувствую только сталь. Но сегодня твоя нить не помогла. А моя сталь — помогла. Почему?

Лиана долго молчала, глядя на огонь.

— Потому что ты отдал не сталь, а сердце, — ответила она наконец. — Может, мне стоит научиться этому.

Корвин усмехнулся — первый раз за долгое время.

— Не учись. У каждого своё. Ты умеешь сидеть на корточках перед призраком. Я умею отдавать локон. Поодиночке мы не справились бы.

Она кивнула. Тишина. Костер трещал. Где-то далеко, в деревне Тихий Брод, спали люди. Им снились сны без сожалений.

Глава 3. Пустышка

Лес молчал. Это было не просто отсутствие звуков — это было вырванное молчание, словно кто-то вынул из воздуха все нити, оставив только пустоту. Корвин остановился, поднял руку. Лиана замерла за его спиной, ловя дыхание.

— Чуешь? — спросил он тихо.

— Нитей нет, — ответила она. — Совсем. Как будто здесь никто не жил.

— Идём осторожно.

Они двинулись вдоль ручья, который вытекал из-под корней старой липы. Вода была чистой, но в ней не отражалось небо — только серая муть, хотя вокруг стоял ясный полдень.

Корвин первым заметил тело. Он просто остановился и сказал:

— Не смотри.

Лиана, конечно, посмотрела. Мужчина лежал на боку, поджав колени к животу, как спящий ребёнок. Одежда — добротный дорожный плащ, сапоги с медными пряжками, кожаный кошель на поясе — был цел. Лицо спокойное, даже умиротворённое. Но кожа... кожа была серой, с металлическим отливом, как у старого серебра.

— Он мёртв? — спросила Лиана, хотя знала ответ.

— Пустышка, — сказал Корвин. — Я видел таких на войне. Живой, но пустой. Память высосана, чувства — тоже. Через месяц тело высохнет, и игла выйдет.

— Игла?

— Серебряная. Размером с палец. Протыкает кожу, высасывает всё, что делает человека человеком. Отродье, которых я надеялся больше не встретить.

Он присел на корточки, осторожно откинул плащ. На спине, под левой лопаткой, зияла крошечная колотая ранка — не больше укола шипа. Края её были неестественно белыми, без крови.

— Самка откладывает яйца в гнезде, — продолжил Корвин, не глядя на Лиану. — Обычно под старыми деревьями. Иглы — её дети. Они выходят на охоту, жалят жертву, возвращаются в гнездо и отрыгивают память. Так кормят матку.

— Откуда ты так хорошо знаешь?

— На войне мы наткнулись на такое гнездо. В болотах. Потеряли троих, пока не поняли, что к чему. Мне тогда было двадцать пять, а сестра Мила пропала ещё раньше, когда мне было двадцать. Сейчас мне за сорок пять.

Он замолчал. Лиана видела, как побелели костяшки его пальцев, сжимающих лук.

— Ты потерял сестру из-за игл? — спросила она мягко.

Корвин не ответил. Встал, отряхнул колени.

— Идём. Надо найти деревню. Кто-то должен знать, откуда этот шёл.

Он двинулся вперёд, не оглядываясь. Лиана задержалась на мгновение, глядя на серое лицо пустышки.

— Прости, — сказала она тихо. — Я ничего не могу для тебя сделать.

Тело не ответило. Лиана пошла за Корвином.

Деревня называлась Костяной Лог. Название она получила не из-за злого промысла, а потому что когда-то в здешних лесах нашли останки гигантского зверя — кости торчали из земли ещё сто лет, пока их не растащили на амулеты. Люди здесь жили небогато, но спокойно.

Староста деревни, низенький крепыш с вечно нахмуренными бровями по имени Пахом, встретил их настороженно. «У нас нечасто бывают чужаки, — сказал он, — но если вы из-за той мельницы, то знайте: мы уже хоронили троих, кто ходил туда за грибами. С тех пор никто не суется». — он помолчал и добавил тише: «А бабка Ульяна... она пыталась предупредить того путника. Но он не послушал».

Корвин поблагодарил старосту и направился к корчме, которую тот указал на краю площади. Там их встретила трактирщица — грузная женщина с красными руками и вечным запахом капусты, — которая накормила их без особого радушия, но сытно.

— Того путника знали? — спросил Корвин, расплачиваясь медяками.

— Он тут заходил дня три назад, — ответила трактирщица, вытирая кружку. — Спрашивал дорогу на старую мельницу. Говорил, что у него там торговые дела.

— А зачем ему к мельнице? Она же заброшена лет двадцать.

— А я почём знаю? — женщина пожала плечами. — Может, причуда. Он вообще странный был. Всё оглядывался, щупал карманы, будто боялся что-то потерять. Я ему говорю: «Вы бы к знахарке сходили, у вас глаза дёргаются». А он: «Не надо, это память у меня течёт».

— Память течёт? — переспросила Лиана.

— Ну да. Сказал, что забывает, где дом, как жену зовут. А потом засмеялся и пошёл в сторону леса. Больше я его не видела.

Лиана переглянулась с Корвином.

— Здесь есть знахарка?

— Есть, — трактирщица кивнула на дверь. — Бабка Ульяна, живёт на окраине. Только она сейчас не принимает. Сама хворает.

— Что с ней?

— Не знаем. Глаза слезятся, руки трясутся, а говорит, что видит нити. Нити, говорит, рвутся. Может, белены объелась.

Лиана вздрогнула. Нити. Она не слышала этого слова от простых людей уже много лет.

— Спасибо, — сказала она и встала из-за стола. — Корвин, мы идём к бабке.

— Я с тобой.

Они вышли из корчмы в сумерки. Деревня готовилась ко сну: мычала скотина, хлопали ставни, где-то плакал ребёнок. Обычная жизнь, которая даже не подозревала, что рядом — на расстоянии дневного перехода — лежит пустая оболочка человека.

Бабка Ульяна жила в маленькой мазанке на отшибе. Дверь была не заперта. Лиана вошла первой. Внутри пахло сушёными травами и ещё чем-то кислым — возможно, прокисшим молоком, возможно, старостью.

На лежанке, укрытая рваным одеялом, лежала женщина лет семидесяти. Глаза её были открыты, но смотрели в потолок.

— Бабушка, — позвала Лиана, садясь рядом на табурет. — Вы меня слышите?

Старуха медленно повернула голову. Глаза её — светло-голубые, выцветшие — вдруг стали внимательными.

— Ты... ты та, что чувствует? — спросила она сипло. — Та, что ходит по нитям?

— Да. Меня зовут Лиана.

— А меня — Ульяна. Была когда-то. Теперь я пустая, как тот мужик.

— Какой мужик?

— Который приходил. Спрашивал про мельницу. Я ему сказала: не ходи туда, там серебряная смерть. А он не послушал. И меня ужалил.

Она на мгновение прикрыла глаза, будто переживая это заново.

— Я стояла у порога, собирала травы. Вдруг что-то холодное коснулось шеи — как льдинка, но острая. Я не успела даже вскрикнуть. Игла впилась в кожу, и я почувствовала, как память начала вытекать из меня — не больно, а пусто, как будто кто-то вычерпывал меня ложкой. На миг я забыла, где я, как меня зовут. А потом игла отдёргнулась, и я упала на колени. С тех пор память течёт каждую ночь.

Она откинула одеяло. На её шее зияла такая же колотая ранка — только не серая, а воспалённая, красная.

— Меня ужалил вчера, — сказала Ульяна. — Я ещё чувствую себя. Но память уже течёт. Забыла, как звали мужа. Забыла, сколько внуков. Скоро забуду, как дышать.

Лиана взяла её за руку. Кожа была сухой и горячей.

— Я помогу, — сказала она, хотя не знала как.

— Ты не сможешь, — покачала головой старуха. — Ты не умеешь убивать. А здесь надо убить матку. Иначе все мы станем пустышками.

Она закрыла глаза. Лиана почувствовала, как нить жизни Ульяны — тонкая, почти истлевшая — дрожит у неё в ладони.

— Я не умею убивать, — повторила Лиана. — Но я умею сидеть рядом.

Она осталась на табурете, держа старуху за руку. Корвин молча стоял в дверях. Ночь тянулась долго. Под утро нить оборвалась. Ульяна умерла тихо, без крика. Лиана закрыла ей глаза.

— Она знала, где гнездо? — спросил Корвин.

— На старой мельнице. — Лиана встала, разминая затекшие ноги. — Я иду туда. Одна.

— С ума сошла?

— Её можно было спасти. Если бы я пришла на день раньше. Я не пришла. Теперь пойду.

— Я с тобой.

— Нет. Иглы не чувствуют нитей. Они нападают на любого, у кого есть память. Если меня укусят — я потеряю дар и стану бесполезной. А ты можешь стрелять издалека.

Корвин хотел возразить, но Лиана посмотрела ему прямо в глаза.

— Я не прошу разрешения. Я просто говорю, как будет.

Он опустил лук.

— Тогда возьми нож. Если игла впилась, вырезай её сразу, не думай.

— Хорошо.

Она сунула за пояс маленький охотничий нож и вышла на рассветную тропу.

Мельница стояла на болоте. Её деревянные стены посерели от времени, колесо сгнило, и только крыша ещё держалась на честном слове. Внутри пахло сыростью, плесенью и чем-то сладковатым — запахом гнезда.

Лиана вошла тихо, ступая на носки. В центре помещения, прямо на земляном полу, зияла яма. Из неё торчали серебряные нити — тонкие, как волосы, но жёсткие, как проволока. Они шевелились, будто искали кого-то.

Лиана почувствовала, как её дар сжался в комок. Здесь не было нитей жизни, только пустота. Она — слепая в этом месте. Но у неё было кое-что посильнее магии.

Лиана опустилась на колени у края ямы. Она знала: иглы не чувствуют нитей, они реагируют на память. Она была живой мишенью. Но она не отступила.

— Я не знаю, как вас убить, — сказала она вслух. — Я не знаю, чувствуете ли вы меня. Но я пришла не воевать.

Нити замерли.

— Я пришла сказать, что вы — не зло. Вы — голод. Вы ищете, чем наполнить пустоту. Это не ваша вина.

Из ямы показалась серебряная голова матки — размером с кулак, с чёрными точками вместо глаз. Она щёлкнула челюстями, и одна из нитей, тонкая и острая, метнулась к лицу Лианы. Лиана не шелохнулась — игла замерла в волоске от её щеки, вибрируя от голода.

— Я не враг, — прошептала Лиана, чувствуя, как холод скользит по коже. — Я просто хочу предложить тебе другую пищу.

Она медленно, не делая резких движений, вытащила из-за пазухи маленький кожаный мешочек. В нём была земля с могилы её наставницы — шаманки, которая научила её видеть нити. Лиана взяла эту землю в день, когда покидала степь, не зная зачем. Но теперь она поняла: наставница ушла из жизни тихо, не оставив после себя ни боли, ни пустоты — только благодар-

ность и память. Если матка питается чужими страданиями, возможно, эта земля, пропитанная спокойствием, сможет её насытить.

— Вот, — сказала она, сыпая землю на край ямы. — Попробуй.

Матка колебалась. Игла дёрнулась, чуть коснувшись кожи — Лиана почувствовала ледяной укол, но не отшатнулась. Матка медленно подползла к горсти земли, понюхала... и вдруг вся её масса сжалась, затряслась и начала уменьшаться. Игла отдёрнулась от лица Лианы, как живая, и втянулась обратно в яму.

Через минуту на земле лежал маленький серебряный комочек — мёртвый зародыш. Лиана перевела дыхание. Её щипало в том месте, где игла коснулась кожи — неглубоко, но она чувствовала, как слабеет, как память начинает расплываться.

Она встала, шатаясь, и вышла из мельницы. Её вырвало у порога. Она упала на колени, теряя сознание.

Корвин подбежал, подхватил её, прижимая к себе, и в голосе его прорвалась ярость, которую он сдерживал всё это время.

— Лиана! Чёрт бы тебя побрал! Я же говорил — не ходи одна! — он потрянул её, но бережно, боясь сделать больно. — Ты хоть понимаешь, что я пережил, пока ждал?!

Он вытащил её в лес, к воде, усадил, поддерживая за плечи. Лиана очнулась через несколько минут, бледная, с каплями пота на лбу, и он выдохнул с облегчением, но лицо его всё ещё было искажено страхом.

— Что случилось? — спросил он, и голос его дрожал.

— Игла коснулась меня, — прошептала она. — Я чуть не стала пустышкой. Но я успела.

— Как ты? — он притянул её к себе, сжимая так сильно, будто боялся, что она исчезнет.

— Моя память... она дрогнула. Я забыла имя наставницы на мгновение. Но оно вернулось. — Она слабо улыбнулась. — Я заплатила за свой выбор. Но я жива.

Корвин сжал её руку, потом резко отдёрнул и ударил кулаком по земле.

— Ты сумасшедшая! Я же просил — будь осторожна, не рискуй! А ты? Полезла туда, где и иглы, и матка, и... — он запнулся, потом выдохнул и уже тише добавил: — Ты мне нужна живая, поняла?

— Знаю, — ответила она. — И я не умираю.

Он помог ей сесть, поднёс флягу, и Лиана сделала глоток, потом ещё. Она вдруг замерла, глядя на свои руки.

— Что-то не так, — сказала она тихо, и в голосе её прозвучала растерянность, которой Корвин не слышал раньше.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.